

Н.Е. Павлов
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 ГОДА
И РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ

Накануне грядущего 200-летнего юбилея победы в Отечественной войне 1812 года возрастает интерес к этому историческому событию. Большой вклад в защиту Отечества в войне 1812 года внесла Русская Православная Церковь. Православное духовенство проводило многостороннюю деятельность, направленную на сплочение русского общества и организацию движения сопротивления, оказывали помощь раненым, облегчали их страдания в лазаретах, выполняли функции и задачи военного духовенства в регулярной армии [1].

Религиозно-патриотическое воспитание солдат велось силами военного духовенства. В религиозных беседах и проповедях полковые священники на доступном солдатам языке объясняли такие важные проблемы, как обязанности воина на поле брани и в мирное время, отношение друг к другу и к противнику, важность и значение присяги, знамен, оружия. Объясняли солдатам священный характер войны в защиту Отечества, а также важность и престижность положения воина, призванного защищать веру и Отечество.

Важность патриотической пропаганды понималась, прежде всего, самим императором, который во время войны неоднократно давал духовенству соответствующие предписания, стимулируя его проповедническую деятельность. Например, в июле 1812 года при организации в Смоленской губернии партизанского движения Александр I направил Смоленскому епископу Иринею рескрипт, в котором говорилось о необходимости для священнослужителей «внушениями и увещаниями своими ободрять» жителей губернии и не только «отвращать их от страха и побега, но, напротив, убеждать, как того требует долг, чтобы они, совокупясь вместе, старались вооружиться, чем только могут, дабы, не давая никакого пристанища врагам, везде и всюду истребляли их и вместо робости наносили им великий вред и ужас» [4]. Помимо проповеднической деятельности, несомненно, имевшей огромное значение для поддержания в обществе религиозно-патриотического настроения, духовенство также приняло непосредственное участие в организации и деятельности народного ополчения, в партизанском движении. Военное духовенство сопровождало регулярную армию во всех переходах и сражениях [10].

Большое значение имело воззвание Святейшего Синода, в котором, в частности, предписал духовенству «научить всех словом и делом не дорожить никакою собственностью, вносить пожертвования». 17 июля 1812 года Святейший Синод с целью содействовать укреплению боеспособности армии в военное время представил императору Александру I доклад, содержащий следующие предложения:

- 1. Из прибылей, получаемых от продажи свечей в церквях, отдать полтора миллиона рублей в пособие к составлению новых сил (одну половину суммы на Петербургское ополчение, другую на Московское);*
- 2. Пригласить епархиальных архиереев, монастырских настоятелей и прочее духовенство к пожертвованию деньгами, серебряными и золотыми вещами;*
- 3. Объявить причетникам, детям священно- и церковнослужителей и семинаристам (не выше риторического класса), что по желанию они могут увольняться в ополчение, получая из церковной кошелевой суммы пособие на одежду и продовольствие [8].*

Доклад был утвержден Александром I, получив силу императорского указа из Святейшего Правительствующего Синода (от 25 июля 1812 года). По данным Святейшего Синода, пожертвования православного духовенства на ополчение в

1812 г. составили 2405076 руб. 60 коп. ассигнациями, 20761 руб. 89 коп. серебром, 556 руб. золотом, 3388 руб. 10 коп. медью [9].

Согласно архивным данным Синода, в ополчение поступило 412 человек духовного сословия. Среди них значительное место занимают ученики духовных академий, семинарий и уездных училищ. Так, Казанская духовная академия дала 56 человек, Киевская – 22, Калужская духовная семинария – 50, Нижегородская – 2, Харьковский Коллегиум – 8. Ученик Костромской духовной семинарии Василий Яхонтов, служивший в ополчении урядником, за успехи был произведен в унтер-офицеры [3]. Помимо семинаристов и церковнослужителей, которые, как не имевшие священного сана, могли взять в руки оружие, при отрядах народного ополчения состояли священники. Они выполняли те же функции, что и военное духовенство в регулярной армии.

В регулярной армии каждый полк имел своего священника, свою походную церковь и, как правило, свою икону, считавшуюся покровительницей этого армейского подразделения. Во время Отечественной войны в русской армии находилась также общая святыня – Смоленская икона Божией Матери, воспринимавшаяся всеми как истинная Путеводительница – Одигитрия. 5 августа 1812 года при оставлении русской армией Смоленска эта икона была взята по распоряжению М.Б. Барклая де Толли, находилась в русской армии, сопровождая ее во всех событиях и битвах 1812 года. По свидетельству генерал-лейтенанта П.П. Коновницына, «войска с благоговением зрели посреди себя образ сей и почитали оный благоприятным залогом Всевышнего Милосердия. При одержании над неприятелем важных побед и успехов приносимы были всегда пред иконою благодарственные молебствия» [5].

Согласно данным архива Синода, в 1812 года в ведомстве армейского духовенства состояло 240 человек, около 200 из них участвовали в Отечественной войне. 14 полковых священников получили во время войны ранения и контузии. Многие священнослужители получили награды. По формулярным спискам священников и другим документам, хранящимся в архиве Синода, удалось установить, что во время войны 1812 года 7 священнослужителей были награждены орденом Святой Анны. Однако наибольшую известность во время войны получил священник 19-го егерского полка Василий Васильковский, награжденный за подвиг в сражении под Малоярославцем орденом Святого Георгия 4-го класса. В истории России это был первый случай вручения такой награды священнику [6].

На оккупированной территории местное духовенство чаще всего становилось примером самоотверженного служения своему пастырскому долгу и Отечеству. Так, священника Одигитриевской церкви Никифора Мурзакевича очевидцы называли главным духовным распорядителем оккупированного города Смоленска. Когда враг вступил в город и начались грабежи, нападению разнузданной солдатни подверглись и около двух тысяч жителей, спрятавшихся в Успенском соборе. Услышав поднявшийся при этом страшный крик, в собор вошел Наполеон со свитой. Отец Никифор осмелился попросить у него стражу к собору, чтобы не впускать в него нижних чинов. В ответ на просьбу священника Наполеон действительно приказал поставить к воротам и к дверям собора 6 часовых. Этот караул стоял вплоть до 5 ноября, благодаря чему собор остался не разоренным [4].

На оккупированной территории центральных губерний России наполеоновская армия столкнулась с активным сопротивлением мирного населения. Среди партизан было немало церковнослужителей и даже священников, которые часто являлись организаторами и руководителями крестьянских отрядов. Вступать в вооруженную борьбу с неприятелем их нередко побуждало его варварское отно-

шение к церковным святыням. С первых шагов по российской территории солдаты «Великой армии» принялись грабить православные храмы и монастыри. М.И. Платов еще из – под Рудни доносил Барклаю де Толли: *Святые церкви не избегают неустовства французов, сосуды и утварь разграбливаются...* В большинстве своем равнодушные к собственной религии, они, как правило, не церемонились с нашими национальными святынями [8].

Так, священник села Крутая гора Юхновского уезда Смоленской губернии Григорий Лелюхин, увидев, что отряд французских мародеров ограбил церковь и осквернил алтарь, убедил своих прихожан устроить погоню. Вооружившись топорами и вилами, крестьяне неожиданно напали на грабителей в лесу и, перебив их, забрали назад церковное имущество. Воодушевленные удачей, крестьяне вскоре увеличили свой отряд до 200 человек. На колокольне храма они выставили сторожевого, который при приближении мародеров звонил в колокола, и крестьяне во главе с отцом Григорием отражали нападение. Таким же образом действовали жители Гжатского уезда: при появлении французских мародеров священники поднимали тревогу колокольным звоном, и сбегавшиеся прихожане защищали церкви и свои жилища. Благодаря этому храмы в селах Сосницы, Чали, Дора были спасены от разорения [6].

В Московской губернии во главе одного из крестьянских партизанских отрядов стоял священник Верейского Рождественского собора Иоанн Никифорович Скобеев. Его заслуги особенно проявились при штурме г. Верея. Собрав тысячу крестьян Вышегородской волости, Скобеев с их помощью срыл на Земляном валу сделанные французами укрепления, «изыскал во многих домах скрывшихся неприятелей, сжег неприятельские ворота, фуры и брички». Кроме того, по просьбе Дорохова отец Иоанн собрал 500 конных вооруженных крестьян, которые усилили его корпус, и подготовил 7 подвод для раненых воинов. Крестьяне с полной готовностью откликнулись на все призывы Скобеева, который, по его собственным словам, «будучи более 20 лет увещателем во всех присутственных местах, был совершенно им известен, и по известности снискал от них к себе доверенность и уважение» [7].

Партизанскими подвигами отличился дьячок села Рюховского Волоколамского уезда Московской губернии Василий Григорьевич Рагузин, организовавший из 500 крестьян отряд, успешно защищавший от неприятеля окрестные селения. Не ограничиваясь партизанскими набегами, Рагузин занимался разведкой. Для этой цели ему был дан открытый лист, согласно которому крестьяне предоставляли ему подводы и оказывали всяческое содействие. После войны за свои подвиги Рагузин был награжден серебряной медалью для ношения в петлице [2].

В заключение хочется отметить, что роль Русской православной церкви в Отечественной войне 1812 года не ограничивалась фактами непосредственного участия представителей духовного сословия в ее основных событиях, а была неразрывно связана с духовной жизнью всего российского общества.

1. Военский, К.А. Русское духовенство и Отечественная война 1812 года / К.А. Военский. – М., 1912.
2. Попов, А.И. Партизаны и народная война в 1812 году / А.И. Попов // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы: материалы VIII Всероссийской научной конференции 1999 года. – Бородино, 2000.
3. Религиозная пропаганда в 1812 году // Эпоха наполеоновских войн: люди, события, идеи: материалы IV научной конференции. Москва, 26 апреля 2001 г. – М., 2001.
4. Рассказы о двенадцатом годе // Смоленские епархиальные ведомости. – 1912. – № 3.
5. Вороновский, В.М. Отечественная война в пределах Смоленской губернии / В.М. Вороновский. – СПб., 1912.
6. Военский, К.А. Русское духовенство и Отечественная война 1812 года / К.А. Военский. – М., 1912.
7. Никольский, А. Лица «Духовного чина» Московской епархии в их служении церкви и Отечеству в 1812 году / А. Никольский. – М., 1912.

8. Мельникова, Л.В. Русская Православная Церковь в Отечественной войне 1812 г. / Л.В. Мельникова. – М., 2002.
9. Погребняк, Н. прот., Русская Православная Церковь и Отечественная война 1812 года / Н. Погребняк // Московские епархиальные ведомости. – 2002. – № 9–10.
10. Шавельский, Г. И. Военное духовенство в борьбе России с Наполеоном / Г.И. Шавельский. – М., 1912.

И.В. Николаева

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ В ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 г. И ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В современной российской и зарубежной историографии военной проблематики активизировалось внимание исследователей к ментальным особенностям военной эпохи, изучению психологического восприятия населением военного фактора. В этой связи представляется актуальным обращение к гендерным аспектам патриотических инициатив двух отечественных войн: 1812 г. и 1941–1945 гг., – ознаменовавшихся невиданной вовлеченностью в вооруженный конфликт гражданского населения, в том числе женщин, и изменивших традиционное представление о войне как прерогативе мужчин.

В ходе войны 1812 г., которая подхлестнула патриотические настроения всего населения Российской империи, впервые властью было заявлено о необходимости женского вклада в защиту Отечества: многие губернаторы обращались к «местным бояринам» с призывом собирать корпии и ухаживать за ранеными солдатами. Эти призывы послужили катализатором роста женского самосознания, проявления самостоятельной роли россиянок в оказании помощи больным и раненым воинам, сборе пожертвований на военные нужды [1, с. 69].

Условия войны и ее тыловые реалии разрушили культурно устоявшийся взгляд на женщин как пассивных жертв, нуждающихся в защите, сделав их активными действующими лицами и вызвав к жизни новые женские инициативы. Так, женщины приняли участие в широко развернувшемся партизанском движении, в том числе возглавив отдельные отряды партизан, как известные Прасковья и Василиса Кожина, или Анфиса, собравшая вокруг себя группу, которая состояла из одних женщин [2, с. 14]. Мотивы этих женщин были различны: защита своей чести и достоинства, нежелание быть под властью иноземцев, месть за сожженные дома и убитых родных и близких. Но вместе с тем, для самих женщин это была возможность реализовать себя в новом качестве и «открыть» обществу прежде неизвестные свои стороны.

Однако участие женщин даже в стихийно развернувшемся народном партизанском движении носило ограниченный характер, что было обусловлено социально-психологическими особенностями эпохи. Гендерные стереотипы, связанные с социальной активностью женщин, определили устойчивое неприятие и нежелание видеть женщин в традиционно «мужской» сфере. Обществом всегда поощрялось желание любого мужчины принять участие в боевых действиях ради спасения жизни своих соотечественников, подобное же стремление со стороны женщины воспринималось как аномалия. Так, исключительный случай службы в годы войны в регулярных войсках знаменитой женщины-кавалериста Н.А. Дуровой, даже под мужской фамилией, потребовал личного разрешения и покровительства императора [2, с. 15].

Принадлежность женщин к своему полу перестало быть препятствием для привлечения добровольцев из их числа на защиту Отечества в годы войны 1941–